

Ю. И.
АЙХЕНВАЛЬД

Избранное

Юлий Айхенвальд
Карамзин

«Public Domain»

1913

Айхенвальд Ю. И.

Карамзин / Ю. И. Айхенвальд — «Public Domain», 1913 — (Силуэты русских писателей)

ISBN 978-5-457-32369-8

«Как беллетрист Карамзин – больше направление, чем личность. У него не столько черты индивидуальные, сколько общие особенности сентиментализма. Оттого он и принадлежит одной лишь истории: он не только писал ее, но и сам теперь в нее ушел. Исчезают литературные стили, но если была в них душа, то она остается, и сквозь старое, старомодное можно видеть ее живой и бессмертный облик. Между тем в художественных произведениях Карамзина мы напрасно стали бы искать этой вечной сущности. Наоборот, он нередко даже возмущает тем, что выражения ощущений отделились у него от самых ощущений, слезы – от скорби, улыбка – от удовольствия. Чувства – сами по себе, а он – сам по себе...»

ISBN 978-5-457-32369-8

© Айхенвальд Ю. И., 1913

© Public Domain, 1913

Юлий Исаевич Айхенвальд Карамзин

Как беллетрист Карамзин – больше направление, чем личность. У него не столько черты индивидуальные, сколько общие особенности сентиментализма. Оттого он и принадлежит одной лишь истории: он не только писал ее, но и сам теперь в нее ушел. Исчезают литературные стили, но если была в них душа, то она остается, и сквозь старое, старомодное можно видеть ее живой и бессмертный облик. Между тем в художественных произведениях Карамзина мы напрасно стали бы искать этой вечной сущности. Наоборот, он нередко даже возмущает тем, что выражения ощущений отделились у него от самых ощущений, слезы – от скорби, улыбка – от удовольствия. Чувства – сами по себе, а он – сам по себе. Он не углубляется ни в какую эмоцию, не испытал как следует ни одного чувства и ни с кем из своих героев не разделяет, собственно, тех скорбей, которые он так любит живописать. Когда равнодушный говорит о душе, – это кощунственно. Когда Карамзин изображает чужую психологию, он оскорбляет свою посторонностью к ней. Нет у него проникновения в трагизм. Зато горестное, что он рассказывает, он не берет на себя никакой ответственности, ничего не принимает близко к сердцу, – он умывает руки, и ничто не подкопается под его настроение благополучия и тонко-самодовольной сдержанности. Он «в мире с миром уживается».

Пусть громы небо потрясают.
Злодеи слабых угнетают,
Безумцы хвалят разум свой —
Мой друг! не мы тому виной.
Мы слабых здесь не угнетали
И всем ума, добра желали:
У нас не черные сердца!

Чем-нибудь очень тревожить себя и других он не хочет:

Ах! не все нам горькой истиной
мучить томные сердца свои!
ах! не все нам реки слезные
лить о бедствиях существенных!
На минуту позабудемся
в чародействе красных вымыслов!..

Гоголь славил «благоустроенную» душу Карамзина. Но именно потому, что она у него – благоустроенная и благовоспитанная, он и не может приобщаться к интимной теплоте другого сердца, входить в его подлинные тревоги и печали. Он знает только общие места души. Никаких оттенков чувства он не постигает, индивидуальная психология ему человечески неведома – между тем только в ней дана психологическая реальность. Ее не видя, живую и трепещущую лица не замечая, в разнообразность духа не переселяясь, Карамзин приятно и беззаботно перебираем одни лишь оболочки страстей и страданий, рисует элементарное и, вопреки своей часто поминаемой Натуре, природе, не боится пустоты. У него – именно пустое, бессодержательное, не настоящее; мы хотели бы от него душевных фактов, но как раз они, среди его отвлеченного и обобщенного, безнадежно отсутствуют. Искренняя, истинная жизнь блекнет от его литературы и утопает в ее розовых водах. Если он не реалист, то конечная внутренняя причина этого заключается в том, что на реализм у нашего чув-

ствительного недостает чувства. Карамзину доступна только видимость последнего. Если в «Бедной Лизе» он простой быт написал не просто, если он даже попытки не сделал серьезно подойти к той правде, к той действительности, которая лежала к нему так близко, в окрестностях Симонова монастыря, то опять-таки потому, что он не мог, в самом деле, глубоко и сердечно заинтересоваться Лизой, она для него не бедная, он принял ее только на поверхность своего писательского и человеческого внимания; он – добрый, пожалуй, но добрый слегка, иногда, без пафоса и пылкости. Сентиментализм вообще и карамзинский особенно тем и характерен, что, как будто приближаясь к людям, он от них, в сущности, уходит и, довольствуясь слишком общей, ни к чему не обязывающей, платонической симпатией, не выказывает им настоящего участия. Суровый реализм именно оттого, что ему нужна реальность, более филантропичен, нежели сентиментализм, которому не нужно ничего, который брезгает разбираться в конкретных подробностях и признаках каждой отдельной жизни, дает лишь наиболее общие очерки предметов и людей и не умеет индивидуализировать. Самые требования стиля, самая природа литературной манеры приводят к тому, что обрекают сентиментализм на внутреннюю холодность к человеку, на пребывание вдали от него, в построениях безобидной схемы, между тем как реализму предназначают место в непосредственной близости ко всем фактам, ко всей обстановке, воздействующей на ту или другую личность. Реализму дороги собственные имена, сентиментализм удовлетворяется нарицательными (нас не должны вводить в заблуждение карамзинские Натальи, Лизы, Марфы: внутренне эти имена нарицательны). Все это находит себе великую и желанную поправку тогда, когда отдельный писатель-сентименталист своей особенной интересной душой и талантом поднимается над правилами своего безличного направления и его общие принципы перечеканивает в собственные именные ценности. Карамзин, как мы уже сказали, к числу таких писателей из относится, его направление пришлось ему к лицу, – они вполне совпали. Он не глубок, не своеобразен, и души ему отпущено в меру. Именно оттого ему не свойственна стыдливость чувства, он не целомудрен; ему не совестно быть чувствительным, не будучи наивным; он не прячет, не стыдится слез, которые и текут у него профессионально, в таком большом и безвредном количестве (меньшего измерения для них, чем река, поток, ручей, он не знает); и эти нетрудные и нескучные слезы у него, разумеется, ничего не доказывают; особый смысл получает его признание: «Я смотрел и наслаждался; смотрел, радовался и – даже плакал; что обыкновенно бывает, когда сердцу моему очень, очень весело!..» Удивительно ли после этого, что Карамзин (как выразился его противник Марин) описал, «свойства плакса да Игору и Кию, и добреньких славян, и милую Россию»? Растрогают ли после этого чье-нибудь сердце его стихи:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.